ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Школа философствования

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?*
Глава 3. ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ?

§5. Жить и быть

Б.И. ЛИПСКИЙ

Все, что мы видим наяву – смерть;
Все, что во сне, – сон;
Все, что по смерти – жизнь.
Гераклит Темный

«Жили-были старик со старухой...» – с этой привычной фразы начинаются многие русские сказки. Как правило, мы, не замечая, проскакиваем ее и углубляемся в перипетии сюжета. Но давайте попробуем задуматься над ее смыслом. Два ее первых слова – это простое повторение одного и того же или слова *жить* и *быть* могут иметь разный смысл?

С логической точки зрения между понятиями, обозначаемыми этими словами, возможны три типа отношений. Во-первых, бытие может быть понятием более широким, чем жизнь, и тогда жизнь может рассматриваться как частный, особый случай бытия. Во-вторых, эти понятия могут быть полностью синонимичными, т.е. немного по-разному обозначающими одно и то же явление. И, в-третьих, жизнь может рассматриваться как понятие более широкое, чем бытие, и тогда, наоборот, бытие можно представить как частный, или особый, способ жизни. Если мы принимаем первую трактовку: жизнь есть частный случай бытия – тогда смерть, будучи завершением жизни, не означает завершения бытия, которое продолжается после смерти, пусть и в какой-то другой форме. Если вторую, – то понятия «жить» и «быть» совпадают, и смерть будет концом не только жизни, но и бытия вообще. Если же мы примем третью трактовку: жизнь есть понятие более широкое чем бытие, – то оказывается возможной такая ситуация, когда, продолжая жить, мы перестаем быть. В истории человеческой мысли можно обнаружить все три указанные трактовки. Рассмотрим их более внимательно.

Наиболее древней и распространенной является первая из перечисленных трактовок: жизнь есть частный случай бытия. В философии эта трактовка впервые встречается в учении **Сократа** (469 – 399 до н.э.) о бессмертии человеческой души. Мы не будем рассматривать здесь логические аргументы, приводимые знаменитым афинянином в поль-

---

* Начало см.: Философские науки. 2010. № 5 – 7 за текущий год.

зу своего утверждения. Гораздо более сильной является «жизненная» аргументация, выражающаяся не в словах, а в поступках человека. Вот как описывает предсмертные часы своего учителя один из его учеников – Федон, бывший подле Сократа в тот день, когда тот, по приговору суда, выпил яд в тюрьме.

– Так вот, – рассказывает Федон, – сидя подле него, я испытывал удивительное чувство. Я был свидетелем кончины близкого друга, а между тем жалости к нему не ощущал... я видел поступки и слышал речи счастливого человека! До того бесстрашно и благородно он умирал... Это было какое-то совершенно небывалое чувство, какое-то странное смешение удовольствия и скорби... И все, кто собрались в тюрьме, были почти в таком же расположении духа...[1].

Что мы можем заметить в свидетельстве очевидца? Человек, приговоренный к смерти, спокоен и даже кажется счастливым. Друзья, пришедшие проститься с ним, огорчены и подавлены, и он утешает и успокаивает их. Он их, а не они его! И когда наступает последний миг и друзья, прощаясь, покидают его, один из них задает последний вопрос:

– Да, Сократ... а как нам тебя похоронить?

– Как угодно, – ответил Сократ, если вы, конечно, сумеете меня схватить, и я не убегу от вас.

Он тихо засмеялся и, обернувшись к нам, продолжал:

– Никак мне, друзья, не убедить Критона... Он воображает, будто я – это тот, кого он вскорости увидит мертвым, и вот спрашивает, как меня хоронить! А весь этот длинный разговор о том, что, выпив яду, я уже с вами не останусь, но отойду *в счастливые края блаженных* (курсив мой. – *Б.Л.*), кажется ему пустыми словами, которыми я хотел утешить вас, а заодно и себя. Так поручитесь же за меня перед Критоном... что не останусь, но удалюсь отсюда как только умру... Не теряй же мужества и говори, что хоронишь только мое тело, а хорони, как тебе заблагорассудится и как, по твоему мнению, требует обычай[2].

Сократ глубоко уверен, что смерть – это еще не конец всего. Его бытие продолжится в какой-то другой, и на его взгляд более совершенной форме. Причем, в том, новом мире он сохранит свое Я и попрежнему останется тем же Сократом, которым был на Земле.

Этот мотив – продолжение бытия после смерти мы обнаруживаем в магических обрядах и ритуалах всех древних народов, в содержании их мифов и легенд. Впоследствии он повторяется в вероучениях практически всех мировых религий, убеждающих человека, что смерть – это еще не конец, а лишь перемена формы бытия, которое будет продолжаться еще долго... очень долго... целую вечность.

Однако, выбор такой позиции предполагает и принятие вполне определенной «жизненной программы», и выработку системы ценностных ориентиров, указывающих, что же в этой жизни определяет ее смысл и цель. И опять-таки впервые основные идеи программы формулирует Сократ: «Если душа бессмертна, – говорит он, – она требует заботы не только на нынешнее время, которое мы называем своей жизнью, но на все времена... Если бы смерть была концом всему, она была бы счастливой находкой для дурных людей: скончавшись, они разом избавлялись бы и от тела, и – вместе с душой – от собственной порочности. Но... раз душа

бессмертна, для нее нет, видно, иного прибежища и спасения от бедствий, кроме единственного: стать как можно лучше»[3].

В результате принятия сократовской «жизненной программы» земная жизнь утрачивает собственную ценность и начинает рассматриваться как кратковременный этап, после завершения которого только и начинается подлинное, вечное бытие в мире блаженных. Сократовский мотив загробного мира, в котором пребывают души умерших, подхватывается и развивается христианством, дополняющим и развивающим античную идею бытия после смерти. В христианской традиции учение о загробном мире обретает определенность и детальную проработку. Жизнь начинает рассматриваться как искушение, как испытание, которое необходимо пройти, чтобы приобщиться к истинному, вечному бытию. Достойно пройти это испытание может лишь тот, кто сумеет, избегая соблазнов земного мира, сосредоточить все свои стремления на достижении духовного совершенства. Как учит Евангелие, «не сбирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»[4]. По существу, человеку предлагается, вместо того, чтобы жить «этой жизнью», превратить ее в упражнение, в тренировку к смерти.

Вторая из отмеченных трактовок, утверждающая синонимичность понятий жизни и бытия, начинает формироваться также в античной Греции в философии **Эпикура** (342 – 271 до н.э.). Эпикур исходит из того, что все существующее состоит из мельчайших, далее неделимых частиц – атомов. Возникновение любого объекта трактуется им как результат соединения атомов, исчезновение – результат распада и разложения былой целостности на составные элементы. Смерть он понимает как распадение, рассыпание человека на отдельные атомы. Причем этому распаду подвержено не только тело, но и душа: «Когда разлагается весь организм, душа рассеивается и уже не имеет тех же сил и не совершает движений, так что не обладает и чувством»[5].

Для Эпикура смерть есть не смена формы бытия, а полное и окончательное исчезновение человека. На первый взгляд может показаться, что его учение, в отличие от сократовского, является совершенно пессимистичным. Однако это далеко не так. Смерть всегда страшила человека, поскольку совершенно неизвестно, что ожидает его в потустороннем мире. Но Эпикур убежден, что бояться смерти вовсе не следует, ведь если со смертью человек полностью исчезает, с ним уже ничего не может произойти: ни хорошего, ни плохого. Получается, что «смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как, когда мы существуем, смерть еще не присутствует; а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем»[6].

«Жизненная программа», вытекающая из учения Эпикура, радикально отличается от сократовской. Если Сократ и его последователи проповедуют аскетизм и воздержание, то эпикурейцы выглядят сибаритами, проповедующими наслаждение жизнью, которая представляется им как единственное благо, которым мы располагаем. Это благо дано нам не за какие-то особые заслуги, а «просто так», даром,

по самому факту рождения. Нужно ценить это благо и пользоваться им *здесь* и *теперь*, ибо его нельзя отложить на потом или получить в каком-то «ином» мире. Вместе с тем, следует понимать, что то «наслаждение жизнью», к которому призывает Эпикур, вовсе не сводится к бесконечным пирам, забавам и любовным приключениям. Скорее оно связано с трезвым разумом и безмятежностью духа. Поэтому самые скромные удовольствия: «круг друзей и цветы в саду» – могут быть источником высочайшего наслаждения.

В XIX веке идею тождества жизни и бытия утверждает немецкий мыслитель **Фридрих Ницше** (1844 – 1900), взгляды которого дают толчок развитию целого направления, получившего название «философии жизни». Ницше, подобно Эпикуру, считает, что завершение жизни означает полное прекращение бытия. «Живые существа, – говорит он, – непрерывно возникают и умирают», поэтому «вечность не есть необходимое свойство “субъекта”»[7]. Земная жизнь вмещает в себя все возможности, представленные человеку и, если он не реализует их в отпущенное ему время, другого случая уже не будет. Для такой философии жизненная программа, предложенная Сократом и развитая в христианском учении о вечном пребывании души в потустороннем загробном мире, представляется совершенно неприемлемой. Внушая человеку надежду – с точки зрения Ницше, совершенно беспочвенную – на вечное счастливое пребывание души «по ту сторону смерти», Сократ (и христианство) провоцируют обесценивание земной жизни. В той мере, в какой приверженцы идеи вечности человеческого бытия выдумали идеальный мир, убежден Ницше, они «отняли у реальности ее ценность, ее смысл, ее истинность...»[8].

Критические инвективы Ницше направлены, прежде всего, против подобных рассуждений. Жизнь представляет собой единственную реальность, доступную человеку, поэтому она должна быть для него высшей ценностью. Все остальное оценивается в зависимости от того, насколько способствует оно сохранению и утверждению этой главной ценности. «Когда жизненный центр тяжести переносят из жизни в “потустороннее” – в *ничто*, – говорит немецкий философ, – то тем самым вообще лишают жизнь центра тяжести. Великая ложь о личном бессмертии разрушает всякий разум, всякую естественность в инстинктах; все, что есть в инстинктах благодетельного, что способствует жизни...»[9].

Соответственно и та «жизненная программа», которую предлагает Ницше, радикально отличается от сократовской. Прежде всего, это касается определения цели и смысла жизни. В сократовской (и христианской) традиции цель рассматривается как внешняя по отношению к самой жизни. Она располагается где-то за ее пределами и человеку предлагается, во-первых, поверить, что она находится именно там и, во-вторых, пренебрегая обманчивыми земными благами, сосредоточить все силы и помыслы на достижении этой возвышенной цели. В философии жизни ее цель и смысл располагаются *внутри* самой жизни, а не выступают как нечто внешнее по отношению к ней. Поэтому не пренебрежение к жизни, а концентрация сил и внимания именно на решении *жизненных* вопросов провозглашается главной задачей

человека. «Прясть дальше всю линию жизни и притом так, чтобы *нить делалась все мощнее* – вот истинная задача»[10].

Соответственно изменяются и представления о критериях различения удавшейся и неудавшейся жизни. Прежде всего, эти критерии должны располагаться в самой жизни, а не за ее пределами. Такие человеческие качества, как здоровье, сила, отвага, дерзость, способность рискнуть придают жизни наполненность и остроту, в то время как нерешительность, робость, мнительность делают ее вялой и монотонной. Активная, деятельная жизнь, наполненная яркими событиями, сама по себе есть та «награда за смелость», которую человек получает в течение самой жизни, а не после ее завершения. И точно так же осторожная, робкая жизнь, жизнь с постоянной оглядкой на то, «что будет говорить княгиня Марья Алексевна», сама по себе является наказанием за вялость и нерешительность. И выбор образа жизни целиком находится в воле самого человека, ибо, как говорит Ницше, «в человеке *тварь* и *творец* соединены воедино: в человеке есть материал, обломок, глина, грязь, бессмыслица, хаос; но в человеке есть также и творец, ваятель, твердость молота, божественный зритель и седьмой день – понимаете ли вы это противоречие?[11]

Третью позицию – понятие жизни шире понятия бытия – представляет датский философ **Серен Кьеркегор** (1813 – 1855). Если бытие рассматривается как понятие более узкое, чем жизнь, то приходится признать, что *жизнь* человека может продолжаться, даже после того, как он перестает *быть*.

На первый взгляд может показаться, что такая ситуация совершенно невозможна. Как может продолжаться жизнь того, кто перестал быть? Но Кьеркегор имеет в виду не физическое тело человека, а его *личность*, то, что мы называем нашим человеческим Я. Именно оно и может перестать быть при сохранении биологической жизни физического тела. При этом речь здесь идет отнюдь не о чисто медицинской патологии, когда вследствие серьезного заболевания или травмы человек полностью утрачивает сознание, в то время как его тело, продолжает жить, благодаря интенсивной внешней поддержке.

Согласно Кьеркегору, прекращение бытия человека при сохранении жизни его физического тела – это не телесный недуг, но серьезная болезнь человеческого духа, которую философ называет отчаянием. Что же представляет собой этот духовный недуг? «Человек, – говорит философ, – есть дух. Но что же такое дух? Это Я. Но тогда – что же такое Я? Я – это отношение, относящее себя к себе самому...»[12]. Таким образом, *отчаяние – это болезненное отношение человеческого Я к самому себе*. Вот как описывает подобные состояния Серен Кьеркегор.

Отчаиваясь в чем-то, в глубине души отчаиваешься *в себе,* и теперь уже человек стремится избавиться от своего Я. Так, когда честолюбец говорит: «Надо быть Цезарем или никем», и когда ему не удается стать Цезарем, он отчаивается в этом. Однако здесь присутствует и иной смысл – то, что не став Цезарем, ему уже невыносимо быть собой. В глубине души он отчаивается не в том, что не стал Цезарем, но в своем Я, которое не сумело им стать... или возьмите, скажем, молодую девушку, которая отчаялась в любви, то есть в потере возлюбленного, который умер или оказался легкомысленным. Настоящее отчаяние заключе-

но не в самой этой потере; она отчаивается скорее в себе самой... Попробуйте теперь сказать ей: «Девочка моя, ты сама себя губишь», и вы услышите в ответ: «Увы! Горе мое состоит как раз в том, что мне это не удается»[13].

Отчаяние, как его понимает Кьеркегор, – это острое переживание человеком никчемности, никому ненужности его собственного Я. Ненужности, в том числе, и самому этому человеку. Болезнь поражает душу, которая отныне становится отвратительна для самой себя. При этом «в человеке, который, таким образом, пал жертвой воображаемого и, следовательно, является отчаявшимся, жизнь вполне может продолжаться, как это обычно и наблюдается...»[14]. Такое отчаяние – это действительно серьезная болезнь, но это – болезнь духа, которая никак не затрагивает физического здоровья человека. Более того, сохранение физического здоровья делает эту болезнь еще более невыносимой, поскольку физическое страдание могло бы быть созвучным душевному состоянию человека, отчаявшегося в собственном Я. В таком состоянии человек, разочарованный своей тотальной «невостребованностью», может малодушно помышлять о смерти, а порой и пытаться довести этот замысел до исполнения. Однако, как говорит Кьеркегор, «смерть не является здесь пределом болезни, она служит, скорее, беспредельным пределом...»[15], ведь, поскольку, согласно христианскому вероучению, душа бессмертна, состояние разочарованности вполне может сохраняться и после смерти.

Какую же «жизненную программу» может предложить философ для того, чтобы человек смог преодолеть поразивший его душевный недуг и восстановить ценность своего Я в собственных глазах?

Причиной, погружающей человека в бездну отчаяния, является осознание собственной несостоятельности, неверие в то, что его Я может быть кому-то интересным, нужным. И если иметь в виду исключительно человеческий мир, то такая невостребованность может показаться окончательной и безысходной. Но Кьеркегор предлагает отчаявшемуся человеку вспомнить, что он христианин, что христианство – это религия любви, и что даже если человек не нужен никому из людей, то он нужен Богу, который создал его с какой-то определенной целью. И тогда у него появляется совершенно новый масштаб для оценки собственного Я. Если прежде мерой его ценности выступал другой человек, то теперь «то же самое Я перед лицом Бога обретает... новое качество или определение. Оно не является уже просто человеческим Я, но таковым, которое... можно назвать теологическим Я, или Я перед Богом. И какую же бесконечную реальность оно обретает благодаря осознанию того, что... это человеческое Я теперь существует по мере Бога!»[16].

Иными словами, для того, чтобы преодолеть отчаяние и выйти из этого казалось бы безысходного состояния, Кьеркегор предлагает рассматривать и оценивать собственное Я через его отношение не к другому человеку, но к Богу. Но в таком случае само отчаяние обретает совершенно другой смысл. Теперь оно может рассматриваться уже не как полное и окончательное падение человека в пучину безысходности, а как необходимый этап на пути к истинной вере. Ибо вера человека, пришедшего к ней через погружение в отчаяние, обретает для него гораздо большее значение, чем простая декларация своей привержен-

ности к христианству. Вера становится для него совершенно необходимой, поскольку обретает значение спасения и опоры, предохраняющей и защищающей его на краю бездны.

Итак, мы рассмотрели все три типа соотношения понятий «жизнь» и «бытие». В логическом отношении все они являются совершенно равноправными. Поэтому невозможно определить какое из них является «единственно правильным». Принятие любого из них есть акт реализации нашей свободы. Но, приняв решение, мы принимаем и определенную жизненную программу и, следовательно, совершаем то, что можно назвать «выбором судьбы».

Задания к § 5

Для самоконтроля:

1. Перечислите логически возможные формы отношений между понятиями «жизнь» и «бытие».
2. Укажите авторов, в трудах которых представлены различные формы отношений между этими понятиями.
3. Поясните, что становится предметом заботы человека, руководствующегося той или иной «моделью» отношений между жизнью и бытием.

Для закрепления материала:

4. Кратко опишите «жизненные стратегии», вытекающие из предпочтения:

А) отношения, в котором *жизнь* рассматривается как частный случай *бытия*;

Б) отношения, в котором *жизнь* отождествляется с *бытием*;

В) отношения, в котором *бытие*, рассматривается как особая форма *жизни*.

Для обсуждения:

1. Объединившись в группы по 4 человека, обсудите, и сформулируйте в письменном виде вопросы, которые Вы хотели бы задать учителю для разъяснения.
2. Проанализируйте куплет из популярной песни В. Высоцкого:

Пускай живешь ты дворником, родишься вновь прорабом,
А после из прораба до министра дорастешь.
Но если туп, как дерево, родишься баобабом,
И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь...

3. Какой из рассмотренных типов отношения между «жизнью» и «бытием» представлен в этой песне?
4. Какая из рассмотренных в параграфе «жизненных стратегий» представляется наиболее приемлемой лично для вас? Обоснуйте ваше предпочтение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Платон.* Федон. 58 e, 59 a.
[2] *Платон.* Критон. 115 c, d.
[3] *Платон.* Федон. 107 c, d.
[4] Матф. 6: 19 – 21.

[5] *Эпикур.* Из письма к Геродоту // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. – М., 1969. – С. 352.

[6] *Эпикур.* Из письма к Менекею // Там же. – С. 356.

[7] *Ницше Ф.* Воля к власти. – М., 1995. – С. 202.

[8] *Ницше Ф.* Ecce Homo // *Ницше Ф.* Соч. в 2 т. Т. 2. – М., 1990. – С. 694.

[9] *Ницше Ф.* Антихрист // Там же. – С. 667.

[10] *Ницше Ф.* Воля к власти. – С. 272.

[11] *Ницше Ф.* По ту строну добра и зла // Там же. – С. 346.

[12] *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти // *Кьеркегор С.* Страх и трепет. – М., 1993. – С. 255.

[13] Там же. – С. 260 – 261.

[14] Там же. – С. 270.

[15] Там же. – С. 261.

[16] Там же. – С. 307.

Аннотация

Между понятиями «жизнь» и «бытие» логически возможны три типа отношений: жизнь есть частный случай бытия, жизнь и бытие – это синонимы, обозначающие одно и то же явление, и бытие есть частный случай жизни. В истории философии встречаются все три указанные версии. Принятие той или иной из них – результат свободного выбора человека, но выбор этот означает и принятие определенной жизненной программы, во многом определяющей его судьбу.

Ключевые слова:

бытие, жизнь, смерть, бессмертие, отчаяние, судьба, надежда.

Summary

Between concepts «life» and «being» three types of relations are logically possible: life is a special case of being, life and being are the synonyms designating the same phenomenon, and being is a special case of life. In a history of philosophy there are all three specified versions. Acceptance of one or another from them is a result of a free choice of the person, but this choice means also acceptance of the certain vital program, in many respects determining his destiny

Keywords:

being, life, death, immortality, despair, destiny, hope.